

УДК 316.47

РЕУТОВ Евгений Викторович – к.соц.н., доцент; доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutovevg@mail.ru)

РЕУТОВА Марина Николаевна – к.соц.н., доцент; доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutova@bsu.edu.ru)

ШАВЫРИНА Ирина Валерьевна – к.соц.н., доцент; доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (308012, Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, 46; shavyrina_77@mail.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В УСТАНОВКАХ И ПРАКТИКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются факторы, сдерживающие развитие кооперации и реализацию солидарных практик в местных сообществах. Отмечается, что в организации коллективных действий вертикальные структуры по-прежнему играют значительную роль, а в сами эти действия, хотя бы эпизодически, вовлечены, по самооценке, от трети до половины населения. Вместе с тем в местных сообществах достаточно активно развиваются самоорганизационные процессы, в основе которых – желание граждан улучшить среду обитания и помочь людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, и в меньшей мере – отстаивание своих прав.

Ключевые слова: солидарность, местные сообщества, социальное доверие, самоорганизация

Переход российского общества от стабильности нулевых годов к системному кризису, признаки которого стали особенно остро ощущаться с 2014 г., актуализировал проблему социальной интеграции и внимание к факторам, определяющим прочность российского социума и его способность преодолевать центробежные тенденции на всех уровнях – от локального до социетального.

Социальная солидарность стоит в одном ряду с такими качественными характеристиками общества, как единство, интеграция, сплоченность, консолидация, идентичность и т.п. Основоположник концепции социальной солидарности Э. Дюркгейм рассматривал солидарность в контексте прочности (в полном соответствии с этимологией термина, от лат. *solidus* – прочный) отношений, связывающих индивида с обществом либо непосредственно (механическая солидарность), либо опосредованно – через других людей (органическая солидарность) [Дюркгейм 2007].

В настоящее время социальная солидарность очень часто трактуется с ценностных позиций – например, как «общество социальной симфонии, где разные слои и группы, разные народы и религиозные общины, разные участники политических и экономических процессов являются не борющимися друг с другом конкурентами, а соработниками»¹. Более взвешенный подход не позволяет целиком согласиться с такого рода идеализированными конструкциями. Однако специфика данного понятия по сравнению с типологически близкими ему, безусловно, состоит в силе и многообразии социальных связей. В отличие от социальной интеграции (предполагающей наличие относительно устойчивых связей разного характера), солидарность предполагает достаточно высокий уровень активности участников социума в презентации индивидуальной и коллективной социальной идентичности, а также нормативно-ценностный консенсус по базовым для общества проблемам.

¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на XVII Всемирном русском народном собрании. Доступ: <http://www.vrns.ru/documents/76/2366/#.VNDC2ksvOQE> (проверено 11.02.2015).

Анализ результатов мониторингов Левада-Центра показывает, что к настоящему времени потенциал «крымского консенсуса» в консолидации российского общества фактически исчерпан. Поступательный рост доли граждан, считающих, что дела в стране идут в правильном направлении, завершился в октябре 2015 г. (достигнув 61%) и затем пошел на спад, вернувшись в январе 2016 г. к значениям 2014 г. (45%). Наблюдается снижение и рейтингов одобрения всех властных институтов, в меньшей степени – президента РФ, в большей – Государственной думы и региональных властей¹. Очевидно, что в данном случае внешнеполитический курс в связи с событиями в Украине послужил существенным фактором легитимации социального порядка. Однако более значимые для солидаризации социума факторы структурного порядка остались без изменений либо продолжали девальвироваться.

Не изменилась к лучшему ситуация с социоэкономической дифференциацией общества. Будучи терпимой при экономическом росте, в ситуации кризиса и при росте бедности эта тенденция в очередной раз акцентировала вопрос о том, является ли Россия единой нацией или же все-таки мы имеем дело с фрагментированным и разделенным на множество анклавов и субкультур обществом. Вряд ли может успокаивать тот факт, что значения коэффициента фондов и коэффициента Джини, посредством которых измеряется уровень дифференциации и концентрации доходов, с 2007 г. в России практически не растут. Но при этом в 2014 г., по данным Росстата, на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 30,6% общего объема денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченного населения – 1,9%². Необходимо учесть также, что значительный уровень «теневилизации» и «оффшоризации» российской экономики не позволяют адекватно оценить степень поляризации общества. Как отметил автор книги «Капитал в XXI веке» Т. Пикетти, «возникает вопрос: почему неравенство в России так непрозрачно?»³. При анализе процесса социальной поляризации нужно учитывать еще и то, что неравенство доходов накладывается на ряд других признаков социальной дифференциации, например на территориально-поселенческую структуру населения. Помимо того, что жители крупных городов существенно опережают остальное население России по уровню доходов, городская среда предоставляет им большие возможности доступа к услугам здравоохранения, образования и другим социально значимым ресурсам, формирующим качество жизни. Намечившаяся в самые последние годы тенденция к деградации социальной сферы, выразившаяся, в частности, в сокращении бюджетных расходов на здравоохранение и образование, в настойчивых действиях власти по «оптимизации» учреждений здравоохранения, также в наибольшей степени затрагивает сельскую местность и малые города.

Не сложился и ценностный консенсус, если только не принимать за него стабильно высокие рейтинги действующего президента. Нынешний социальный порядок, а вместе с ним и моральная система общества, не стали по-настоящему легитимными. Советский тип общества и государства, как показывает мониторинг Левада-Центра (январь 2016 г.), утратил свою привлекательность в глазах подавляющего большинства граждан (лишь 10% респондентов хотели бы видеть Россию социалистическим государством с коммунистической идеологией). Но

¹ Январские рейтинги одобрения и доверия. Опрос Левада-Центра от 27 января 2016 г. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/01/27/yanvarskie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-4/> (проверено 10.02.2016).

² Социально-экономическое положение России – 2014 г. Росстат. Доступ: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_01/Main.htm (проверено 11.02.2016).

³ Тома Пикетти: Возникает вопрос, почему неравенство в России так непрозрачно. Доступ: <http://www.forbes.ru/mneniya/idei/307437-toma-piketti-voznikaet-vopros-pochemu-neravenstvo-v-rossii-tak-neproзрачно> (проверено 12.02.2016).

при этом не приобрел массовой поддержки и какой-либо другой вектор трансформации социума. Так, менее трети (31%) опрошенных хотели бы видеть Россию страной с рыночной экономикой и демократическим устройством и 24% — государством с совершенно особым путем развития. При этом 27% респондентов четко постулировали свое полное равнодушие к подобным вещам: «мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья»¹.

72% населения, по данным ВЦИОМа (2015 г.), согласны с утверждением: «при нынешнем беспорядке и неясности трудно понять, во что верить». Причем в 1990 г. эта доля респондентов была почти такой же — 73%². Н.И. Лапин по результатам многолетнего мониторинга отмечает: «В 2015 году обнаружили симптомы гуманитарной рецессии социума: усиление практики российско-азиатского этатизма, для которой традиционна авторитарная вседозволенность во всех сферах жизни, включая бытовую» [Лапин 2016].

В данной ситуации очевидно, что поиск интегрирующей общество идеи исключительно на социетальном уровне, как это свойственно нынешней российской элите (В. Путин: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»³), связан с серьезными рисками как раз из-за слабости позитивных объединяющих механизмов.

Основным барьером формирования социальной солидарности в российском обществе является несформированность местных коммунитарных сообществ. Именно в них люди приобретают первичные навыки самоорганизации и взаимопомощи. Очевидно, что на уровне местных сообществ существуют серьезные проблемы с коммуникацией по актуальным для их участников вопросам, и прежде всего они проявляются в отношении «власть — граждане». На это указывают и данные общероссийских исследований. Так, по данным Левада-Центра (март 2015 г.), 74% россиян отметили невозможность повлиять на власть даже на уровне города, района или области⁴. Но при этом именно на микроуровне формируются очаговые практики взаимопомощи и самоорганизации.

Дефицит солидарности в особенности сказывается за пределами «сильных» связей — отношений между родственниками и друзьями. Даже в соседских сообществах люди зачастую не способны проявить качества соучастия, доверия, взаимной ответственности, самоорганизации. Это подтверждают результаты нашего эмпирического исследования (полевой этап проходил в Белгородской обл. в ноябре—декабре 2015 г.; объем выборочной совокупности составил 1 002 респондента; выборка репрезентирует половую, возрастную и поселенческую структуру населения региона). Так, лишь немногим более половины респондентов (57,74%) считают, что в их ближайшем окружении больше согласия, нежели разобщенности. Противоположную точку зрения высказали 22,98%. И, что еще более важно для понимания характера российского социума, кооперация между людьми затруднена не только из-за отсутствия соответствующих институциональных механизмов, но и в результате неготовности граждан оценивать ситуации и случаи, в которых сотрудничество могло бы оказаться полезным. Лишь 23,65% респондентов отметили, что ситуации, требующие сотрудничества между людьми, кооперации их усилий и ресурсов, в повсе-

¹ Российская демократия. Опрос Левада-Центра от 14 января 2016 г. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/01/14/rossijskaya-demokratiya/> (проверено 10.02.2016).

² Чем больше все меняется, тем больше все остается неизменным. Доступ: <http://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/moral-relations/article/chem-bolshe-vse-menjaetsja-tem-bolshe-vse-ostaetsja-neizm.html> (проверено 10.02.2016).

³ Встреча с активом Клуба лидеров. 3 февраля 2016 г. — *Президент России. Официальный сайт*. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51263> (проверено 10.02.2016).

⁴ Взаимодействие граждан и государства. Опрос Левада-Центра от 6 апреля 2015 г. Доступ: <http://www.levada.ru/06-04-2015/vzaimodeistvie-grazhdan-i-gosudarstva> (проверено 21.05.2015).

дневной жизни возникают практически постоянно. Чуть более половины опрошенных (52,50%) считают, что такие ситуации возникают достаточно часто. На редкость таких ситуаций указали 17,56% опрошенных, и еще 6,29% — на их отсутствие. Таким образом, лишь для менее чем четверти населения кооперация и сотрудничество являются естественной характеристикой социальных отношений, свойственных российскому социуму. Но, с другой стороны, и сторонников «атомистической» модели российской повседневности относительно немного — практически столько же.

Наиболее существенным ценностным ограничителем кооперации и сотрудничества между людьми является убежденность значительной их части в том, что «все люди преследуют, прежде всего, свои интересы, не считаясь с интересами других». Такого мнения придерживается половина респондентов, давших содержательный ответ, — 42,71%. Другая половина разделяет мнение, что «люди способны на бескорыстие, помощь даже незнакомым людям» (42,42%). С этим достаточно органично сочетается невысокий уровень обобщенного межличностного доверия: так, лишь 35,33% опрошенных считают, что большинству людей можно доверять.

Сложно сказать, насколько респонденты экстраполировали свои личные принципы и установки на то абстрактное множество, о котором их спрашивали. Но, скорее всего, в ответах респондентов в значительной мере проявляются их собственные ценностные ориентации. Безусловно, наличие той или иной ориентации не означает, что человек либо будет, либо не будет кооперироваться с другими людьми и вовлекаться в солидарные практики. Рефлексивное отношение к действительности даже у самых недоверчивых людей способствует пониманию того, что в ситуации ресурсных ограничений кооперация и сотрудничество являются единственным рациональным способом решения частных проблем. И наоборот, даже самые большие оптимисты в отношении человеческой природы могут не реализовать свой ценностный потенциал в условиях отсутствия институциональных механизмов кооперации или недостаточности элементарной коммуникативной компетентности.

Развитию микропрактик солидарности препятствует установка подавляющего большинства респондентов на приоритет «сильных» связей как источник дополнительных ресурсов. Прежде всего, это члены семьи и родственники. На их помощь в трудной жизненной ситуации рассчитывают 68,36% респондентов. К друзьям и знакомым обратились бы 43,31% респондентов. Все остальные социальные связи фактически не рассматриваются как социальный капитал подавляющим большинством респондентов. Так, к помощи коллег по работе прибегают бы 8,18% респондентов, к помощи соседей — 6,69%. Характерно, что при всем патернализме российских граждан на помощь государственных (муниципальных) органов, учреждений рассчитывает ничтожная доля респондентов — 4,69%. Еще меньше (2,89%) надеются на помощь со стороны общественных организаций. Но самое главное — в сознании большинства населения распространена установка на невозможность получения помощи ни от кого вокруг. Единственным источником ресурсов для решения своих проблем являешься только ты сам — на это указали 62,67% опрошенных. Безусловно, значительная часть из них при этом рассчитывают на помощь своих родных. Но сам факт выбора данной позиции достаточно красноречив и отчетливо свидетельствует о разобщенности российского социума.

Микропрактики солидарности в местных сообществах, помимо взаимопомощи, реализуются в различных формах коллективной деятельности, основанных на самоорганизации граждан. Самоорганизация представляет собой процесс установления непосредственных связей и контактов между гражданами

для решения локальных проблем и функциональных задач с перспективой их актуализации после достижения первичных целей. Основания самоорганизации могут быть совершенно различными и многообразными – от защиты своих прав до проведения досуга. Принципиально одно – в процессе самоорганизации люди, изначально мало или вообще не знакомые друг с другом, включаются в совместную деятельность или организуют ее. В процессе самоорганизации происходит актуализация «слабых» связей, их трансформация в «сильные», или же формируются новые связи различного характера.

В течение последнего года половине респондентов (49,40%) так или иначе доводилось участвовать в какой-либо коллективной деятельности с соседями по дому (в селе – по улице). Чаще всего это было связано с уборкой и благоустройством территории (27,54% опрошенных). Достаточно многие (17,07%) участвовали в различных формах коллективной взаимопомощи (в т.ч. в сборе денег, вещей), сборе подписей, коллективных обращениях в органы власти и другие официальные учреждения (12,67%). В устройство и проведение праздников были вовлечены 8,18% респондентов. Незначительная доля опрошенных (1,90%) принимала участие в действиях протестного характера (митингах, пикетах). Отмеченные формы коллективных действий действительно можно охарактеризовать как самоорганизацию граждан, поскольку чаще всего инициатива участия в них (по крайней мере, по мнению респондентов) исходила «снизу». В основном инициаторами выступали соседи респондентов (45,51% назвали именно их), но и сами опрошенные в 25,15% случаев инициировали такие мероприятия. Общественные организации в качестве инициаторов назвали 17,17% опрошенных. О роли других внешних инстанций – органов власти, управляющих компаний в организации коллективных действий заявили 10,58% и 8,78% респондентов соответственно.

Коллективные действия, организованные на мезолокальном уровне – совместно с «другими жителями города, поселка, села», оказались менее распространены, нежели формы коллективного участия на уровне соседской общины или трудового коллектива. Тем не менее опыт участия в такого рода деятельности за последний год имели 36,82% респондентов. Чаще всего это были уборка и благоустройство территории (об этом заявили 16,77% опрошенных) и коллективная взаимопомощь (в т.ч. сбор денег, вещей) – 11,28%. Несколько реже были отмечены устройство и проведение праздников (9,68%) и сбор подписей, коллективные обращения в органы власти и другие официальные учреждения (7,09%). Участие в действиях протестного характера носило крайне ограниченный характер (1,20%).

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на низкий уровень социального доверия, микропрактики солидарности, к которым, прежде всего, относятся взаимопомощь и различные формы самоорганизации населения, постепенно становятся неотъемлемым элементом социального пространства местных сообществ. Но при этом практики взаимопомощи реализуются преимущественно в пределах «сильных» связей – семейно-родственных и дружеских. В самоорганизационных процессах в локальных сообществах значительную роль продолжают играть властные структуры. Однако достаточно активно развиваются и горизонтальные формы сотrudничества и кооперации.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» № 15-03-00378 (рук. – Е.В. Реутов).

Список литературы

Дюркгейм Э. 2007. *О разделении общественного труда*. Доступ: http://www.ckp.ru/biblio/d/dur_labour.htm (проверено 19.05.2015).

Лапин Н. 2016. Как остановить социогуманитарную рецессию. — *Независимая газета*. 10.02.

REUTOV Evgeniy Viktorovich, *Cand.Sci.(Soc.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; reutovevg@mail.ru)*

REUTOVA Marina Nikolaevna, *Cand.Sci.(Soc.), Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (Pobedy St, 85, Belgorod, Russia, 308015; reutova@bsu.edu.ru)*

SHAVYRINA Irina Valerievna, *Cand.Sci.(Soc.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Sociology and Management, Shukhov Belgorod State Technological University (46 Kostyukova St, Belgorod, Russia, 308012; shavyrina_77@mail.ru)*

SOCIAL SOLIDARITY IN PUBLIC ARRANGEMENT AND PRACTICES

Abstract. *Social solidarity assumes a high level of activity of the members of the society in the presentation of individual and collective social identity, as well as normative and valuable consensus on basic issues of society.*

This article discusses the barriers of social solidarity at various levels of Russian society. At the societal level, the formation of social solidarity prevents a high level of social economic polarization, degradation and commercialization of social sphere, the absence of value consensus on the key parameters of the development of the country. The main barrier of formation of social solidarity in the Russian society is aborted local communitarian communities. Exactly in those ones, people acquire primary skills of self-organizing and mutual aids.

In the organization of collective actions in the community, vertical structures (government, state and municipal institutions) continue playing a significant role. Thus, in the territorial communities the self-organization processes – micro practices of solidarity – are actively developing. They are based on the desire to improve citizens' living environment and to help people who turned out in difficult life situations, and to a lesser extent – on defending their rights.

Keywords: *solidarity, local communities, social trust, self-organization*